

воря в трагедиях и не в одних трагедиях) давали вес словам: гражданин, права гражданства, отечество, свобода и пр. Надобно, чтоб это было для них нечто обыкновенное, чтоб они думали, что иначе и быть не может. От того и редко бы поминали о них; но весь ход их действий, всякая их мысль, каждый поступок показывал бы ясно, что они такое, и отливал бы, так сказать, их *manière d'être en tout sens*». ⁷⁴

Одновременно с изменением отношения к структуре образа, тяготением к психологической правде у Андрея Тургенева изменилось и отношение к речевым средствам. У него возникает представление о простоте как художественном достоинстве, созревает идея создания прозаической «высокой» драмы. 1 мая 1802 года он записал: «Можно перевести в стихах некоторые сцены из Шексп<ирова> Генрих<а> IV. Нет, они потеряют простоту свою». ⁷⁵

Развитие воззрений Галинковского на театр шло теми же путями. Отсутствие рукописей не позволяет с уверенностью говорить об определенной эволюции. Возможно, что интерес к «романической» фантастике уживался у Галинковского с требованиями, предвосхищавшими новый, гораздо более зрелый творческий этап.

Требую создания политической, «высокой» трагедии, Галинковский осуждал обязательную любовную интригу как сюжетную основу драмы. Он поместил в «Корифее» переводный отрывок, в котором читаем: «Что может быть незанимательнее и старее как эти пьесы, в которых одна любовь, единственная страсть, господствующая в них, наполняет душу героев». ⁷⁶ Наряду с требованием политического содержания (отметим, что обзор французских «славнейших стихотворцев трагических» завершается словами: «Шенье, новейший трагик республики») выдвигается идея соблюдения определенного исторического ко-

⁷⁴ Там же, № 1239, л. 15 об. Андрей Тургенев перевел «Макбета» полностью и, видимо, начал переводить его второй раз. Текст перевода не сохранился.

⁷⁵ Там же, № 272, л. 50. Интерес Галинковского и Андрея Тургенева к Шекспиру не был явлением исключительным в русской литературе тех лет. После Галинковского «Бурю» переводил Шаховской, определяя совершенно в духе первого жанр пьесы как «волшебнo-романтическое зрелище» (ЛГТБ, Рукописный отдел, I, XXI, 2, 62). Несколько позже «Леара» перевел Гнедич. Свод данных об интересе к Шекспиру в русской литературе см.: А. С. Булгаков. Раннее знакомство с Шекспиром в России. «Театральное наследство», сб. I, Государственный академический театр драмы, 1934; A. Lirondelle, Shakespeare en Russie, 1784—1840 (Etude de littérature comparée). Paris, 1912 (здесь «Корифею» посвящены стр. 86—89; журнал рассматривается, однако, как анонимное издание).

⁷⁶ «Корифей», кн. II, стр. 57.